

Миссия эмиграции

Мы не принадлежим к идеологии большинства эмиграции.

Тем не менее, мы не только считаем себя эмигрантами (не беженцами), но искренно гордимся этим именем, так как **самым** бытом своим, **самим** своим существованием несем тот страшный и может быть, спасительный крест, который в наше время возложила на Россию история. Мы в качестве эмигрантов, подлинно, действительно не обыватели, так как само понятие «быта» к нам не применимо: **мы люди без быта**, без той особой укорененности и прикрепленности к месту, к определенным условиям и интересам, которые характеризуют подлинного обывателя. Мы на особом, чрезвычайном положении, и в самом этом положении есть героизм, — если не действия, то хотя бы одного страдания. Для этого лишь нужно ощущать себя именно **добровольными эмигрантами**, а не **вынужденными беженцами**. В этом сознании все дело: пока мы сознаем себя добровольными политическими эмигрантами, мы — герои, как только мы ощутили себя вынужденными беженцами, мы просто: **несчастные**.

Мы даже **не побежденные**, как часто определяем наше положение мы сами. Мы те, кто **отступили** в борьбе — эмигрантское наше положение и есть политическая территория нашего отступления, но не сдались, не капитулировали. Следовательно, такое наше эмигрантское, не обывательское положение означает положение борьбы, позиционное положение. Поэтому тот, кто отказывается от политической активности, тем самым обесмысливает свое собственное, морально столь высокое положение политического эмигранта и превращается в обывателя, при том в худшего, патологического рода: в обывателя без бы-

та, т.-е. в самое жалкое и безнадежное существо — без внутренней (духовной) и без внешней (материальной) связанности с жизнью. Пока мы ведем активную политическую жизнь, боремся за судьбу России, мы, хотя лишены материальной почвы и связи, но сохраняем высшую духовную почву и связь, связь с Россией. Но как только мы отказываемся от этой борьбы и из политических эмигрантов превращаемся в беженцев, мы утрачиваем и такую почву и связь, обращаясь в людей без всяких жизненных связей и почвы, предельно несчастных и оставленных.

Нас не должны смущать при этом враги эмиграции тем, что пытаются представить ее в одном черном реставрационном сословно-эгоистическом цвете, ибо это явно и элементарно неверно: в эмиграции наличествует весь спектр всех возможных политических оттенков — справа налево. При этом в ее составе, даже по мерке большевиков, имеются группы левее их, как, например, анархисты и троцкисты.

Что же касается нас, нашей группировки, то мы занимаем такое положение в отношении теперешней власти, какое старая, до-революционная эмиграция занимала в отношении царского правительства. Ведь мы отрицаем большевизм не из прошлого, а из будущего и являемся в отношении него подлинными революционерами, революционерами Третьей Революции. Следовательно, если раньше, до революции принадлежность к эмиграции, как и к внутренним революционным группировкам, рассматривалась, как нечто почетное, то почему эта принадлежность должна рассматриваться, как нечто предосудительное, теперь, раз ничего ложного нет в самой политической позиции, которую занимает данная группа.

А между тем, такое суждение не только существует, но мы боимся, что оно даже очень распространено. Все чаще приходится слышать, как слово «эмигрант» самими же эмигрантами употребляется чуть ли не в бранном смысле, а словечко «эмигрантщина» уже давно служит именно для такого хулиганского назначения, хотя мы не видим, как можно бранить «эмигрантщину», не понося тем самым и самое эмиграцию. Так мы сами подрезываем тот сук, на котором и политически и житейски держимся.

Достоинно быть отмеченным при этом, что хулением и отвержением эмиграции часто занимаются как раз люди, дальше кого бы то ни было стоящие от России и даже Советской России. Эти господа не понимают, что подлаживаться к Новой России еще не значит быть близким к ней. Стреляющий в сталинского поныхача вчерашний партиец, оппозиционер или просто выходец из теперешних рабоче-крестьянских масс, конечно, к Новой России все же ближе, чем политически подхалимствующий большевикан — князь, граф, продолжающий до сих пор считать труд — недостойным себя занятием.

Это отлично понимают и большевики, последовательные в этом смысле реалисты. Недаром расстрелянный террорист, убийца Кирова, считается все же «своим», а во всем «перестроившийся» князь Святополк-Мирский продолжает до сих пор рассматриваться, как перебежчик.

Мы — этого никто не станет отрицать, являемся в эмиграции течением, наиболее близким к Новой пореволюционной России. Сами большевики уже устарели с точки зрения этой Новой России, представляя собой лишь отрицание старой России, целиком к ней, хотя и во враждебном отталкивании, обращенные. Но именно благодаря этому, а не несмотря на это, мы должны спокойно и уверенно стоять на наших прежних боевых позициях, высоко держа знамя борьбы, ибо только с такого рода знаменем можно идти вперед, — навстречу нашему завтрашнему дню, — навстречу грядущей Третьей России.

М. Дальский.